

Для существования государства необходимо прежде всего сознание органической принадлежности граждан этого государства к одному целому, к органическому единству, каковое может быть только либо этническим, либо классовым, и что, поэтому, при современных условиях возможно только два решения, — либо диктатура пролетариата, либо сознание единства и своеобразия многонародной евразийской нации и общевразийский национализм.

Кн. Н. С. Трубецкой

ЕВРАЗИЙЦЫ И ГОСУДАРСТВО.

Живой и глубоко жизненный характер евразийского учения проявляется прежде всего в том постепенном процессе самоуяснения, который стихийно влечет нас к познанию нашего собственного существа, как некоторой особой идеологической группы. В первых стадиях этого процесса ставился ряд проблем, но не было еще их системы; в последующих стадиях проблемы начинают выступать в некотором систематическом порядке. Так стихийно и в то же время систематически разрабатываются нами в настоящее время проблемы политические и социально-экономические. Можно сказать, что в этой области многое уже у нас установлено, однако далеко не все. Из числа еще не вполне выразуменных вопросов нужно прежде всего назвать вопрос о нашем собственном существе, как организованной группы, и о нашем месте в государстве. По этому вопросу уже брошены общие мысли, однако они не имеют характера окончательных, установившихся формул. Представляем ли мы собою партию или нет? Должны ли мы стремиться к образованию единой партии? Если нет, то кто же мы? И каково наше место в государстве, которое мы считаем своим, нормальным, евразийским государством, так же, как и в государстве современном, в условиях текущей политики?

В последующем будет сделан опыт решения названных вопросов, — опыт, который мог бы иметь значение «дискуссионное», а мог бы и послужить материалом для окончательных решений. Тема — многопланна, отдельные планы следует различить, — и в зависимости от разных плоскостей, вынести различные формулировки. Тогда, может быть, окажутся одинаково правыми и те, кто говорит, что мы — партия, и те, кто отрицает за нами характер партии.

1.

Политической партией в современном смысле этого слова называется возникшая свободно (а не в результате учреждения государством) группа лиц, которая объединена общими целями и общностью в понимании средств, ведущих к осуществлению названных целей (единством средств). Существенным для партии может являться иногда единство целей, а иногда единство средств. Все различие между большевиками и меньшевиками, например, сводится к разногласию по поводу тактики, а не окончательных целей; но различие целей отличает партии социалистические от буржуазных. Ближайшей задачей всякой политической партии является завладение аппаратом государственной власти с тем, чтобы провести в жизнь свои основные цели (будем называть это «политическим действием»). Однако, многие современные политические партии отнюдь не стремятся к немедленному осуществлению этой последней цели. Тактические соображения часто побуждают партию всячески удерживаться не только от захвата власти, но и от прямого участия в правительстве. Современный европейский политический режим особо благоприятствует подобной тактике воздержания, в силу которой очень мощные современные политические партии, например, социалисты, представляют вечную оппозицию в парламенте всем другим политическим партиям и любому правительству. По-

добное положение — очень удобно, ибо «воздерживающиеся» вечно критикуют и не берут на себя никакой ответственности, создавая убеждение, что всякое правительство плохо, за исключением социалистического, которому еще не пришли сроки.

Так как современные европейские политические партии суть свободные объединения, то партийный режим в той или иной степени предполагает многопартийность как выражение личного права участия в политике, как результат свободы политических мнений. Различные эти мнения не могут не находиться в процессе конкуренции и борьбы, потому на борьбе построены и отношения между партиями. Нормальным способом партийной борьбы считается приобретение большинства, которое бы обеспечивало партийное господство. Приобретение большинства предполагает, что другие партии должны ему подчиниться и, впредь до изменения политических настроений, отказаться от преобладания. Иной, не считающийся нормальным путь, является путем диктатуры, при которой одна из партий, не обладая большинством, захватывает власть и проводит свою программу насильственно, вопреки воле большинства. Диктатура может быть или «мягкой», когда захватившая власть партия не уничтожает другие, допуская в известных пределах их деятельность; или же «жесткой», когда захватившая власть партия просто уничтожает остальное и становится единственно господствующей группой в государстве (напр., фашизм в первой и в последней стадиях своего развития).

Исторически демократический режим западных государств выработал два вида партийных образований, границы которых иногда сливаются, хотя в типичных формах могут быть выражены вполне определенно. Первый из них характеризуется тем, что основанием партийного объединения служит не какая-нибудь социально-политическая доктрина (не «идеология»), не догма или сумма догматов, но какой-либо практический вопрос очередной политики или сумма таких вопросов (напр., вопросы таможенной политики, вопрос об избирательных правах, аграрный вопрос в его текущей постановке и т. п.). Это — партии «на платформе» или лиги. Огромную роль они сыграли в жизни англо-американских государств. В сущности, основные политические партии Англии суть подобные партии «на платформе», а не идеологические объединения «на программе». Другим типом современных партийных образований являются объединения чисто идеологические, а их наиболее ярким современным примером являются социалисты. Основой современных социалистических партий является известная общественная доктрина, известная концепция социально-политической жизни, даже некоторая философия. Таков, например, марксизм. Если для партий «на платформе» политика является как бы целью в себе, то для партий «на программе» она есть только одно из средств для достижения основных идеологических целей. Было время, когда социалисты не признавали политической борьбы и не участвовали в ней (особенно в борьбе парламентской), но Лассаль и Маркс вывели их на дорогу политики. Особенностью этого рода партий «на программе» нужно считать то, что, хотя основные задания их и не сводятся к «политике», однако, в конечном счете, современная партия всегда является продуктом известной социально-политической идеологии. Современные партии в конечном счете стремятся к преобразованию общественной жизни, имеют основной своей некоторую общественную доктрину и, если связаны целым мирозерцанием, то последнее является в конечном счете философией социальной. Партии эти являются продуктом той «религии общественности», которой живут многие современные люди западной цивилизации, веря, что преобразование общества есть основная проблема жизни, что вместе с этим преобразованием будут достигнуты наивысшие жизненные задачи, стоящие перед человеком.

Современные политические партии только отчасти совпадают с исторически возникшими общественными группами и общественными слоями социального целого. Так, например, рабочая партия английского типа совпадает в общем с тем общественным слоем Великобритании, который носит имя рабочего класса. Многие национальные партии в различных государствах базируются на историко-антропологической и расовой основе. Но большинство современных партий не только не совпадает с реальными общественными группами, но даже более, — в обычном порядке каждой определенной общественной группе соответствует несколько различных политических партий. Так различные социалистические партии считают

себя представителями «пролетариата». Небезизвестная русская социалистическая партия, состоящая в основе своей из деклассированной городской интеллигенции, считала себя почему то призванной представительницей крестьянства, тогда как крестьян в ней не было и 10 %. Впрочем при помощи широковещательных лозунгов ей удалось во время революции привлечь значительное количество крестьянских голосов. Таким образом политическая партия в современном смысле есть объединение, которое служит не представительству чисто реальных интересов общественных слоев и групп, но стремится играть на известных реальных интересах в известных политических целях. Эта особенность отличает политические партии от профессиональных союзов, синдикатов, тред-юнионов и т. п. реальных объединений.

От политических партий в описанном смысле нужно отличить те современные, также идеологические объединения, которые, хотя и стремятся к достижению известных политических целей, однако отнюдь не считают их своей последней задачей, а иногда и просто не выставляют их открыто, как свою цель. Нельзя недооценивать роли таких объединений в жизни современных западных государств. К ним принадлежат, например, католические ордена, в особенности здесь нужно назвать иезуитов, политическая роль которых была огромна, хотя они никогда не были политической партией, вроде социалистов или коммунистов. Если иезуиты и ставили перед собою, а иногда и прямо проводили в жизнь цели, подобные целям современных коммунистов (учреждение коммунистического государства в Южной Америке), то для них все же это не было последним и высшим заданием, а только рядом средств для осуществления некоторых высших, религиозных планов. Равным образом католики и их ордена участвовали и участвуют в современной политической жизни, но на этот предмет они образовывали везде особую политическую партию, какой является, например, партия центра в Германии. К такому же роду идеологических объединений относится масонство, не являющееся политической партией, но и идеями своими, и своей организацией, и своими действиями способствующее проведению некоторых политических целей. Основные задачи масонства отнюдь не покрываются решением общественных проблем. Масоны имеют и религиозные и нравственные задания, почерпнутые ими из довольно старых исторических традиций, и политика является только одним из частных планов их общей деятельности.

Поставим теперь вопрос, к какому же из названных типов объединений ближе всего подходят евразийцы? Само собою разумеется, что евразийцы не есть партия «на платформе» или лига. Мы являемся объединением идеологическим и всегда себя опознаем, как таковое объединение. У нас имеется не только программа, нас объединяет доктрина, совокупность догм, целое мирозерцание, целая философия. В этом смысле формально мы ближе стоим к социалистам и коммунистам, особенно к таким, как марксисты. Но от социализма нас решительно отделяет все наше миропонимание. Помимо того, что мы строим совсем другую социальную систему, чем социализм, помимо этого мы выдвигаем совсем иные моральные, социальные, философские и религиозные учения. Мы не исповедуем западной религии общности, мы не считаем, что решение социального вопроса есть последняя человеческая проблема, мы отвергаем теорию земного рая. Политическое действие для нас, как и для социалистов, не есть самоцель, мы также стремимся к политическому действию в особых, верховных целях, но этими целями не является для нас достижение окончательного социального благополучия на этой планете. Оттого задачи наши не покрываются ни политикой, ни планами социальных преобразований, как у социалистов. В этом смысле объединение наше, если характеризовать его по моменту целевому, ближе стоит к таким объединениям, как религиозный орден. Нам нужно с особой силой опознать, что формально (а не по существу), мы стоим ближе не к политическим партиям, а к таким объединениям, каковыми являются католические ордена или масоны. Но и те и другие суть продукты западной культуры, западного христианства, мы же — восточники и, конечно, нас не могут вдохновить ни идеалы иезуитов, ни идеалы их западных антиподов — «свободных мыслителей», реформаторов и протестантов, учеников Якова Бема, Вейгеля и Каббалы, объединивших в себе антидогматическую оппозицию против ортодоксального католицизма и ортодоксального иудаизма. По духу своему, мы, пожалуй, первый тип русского ордена. Были-ли у нас предшественники? — этот вопрос еще темен. Мне лично кажется, что за нами нащупывается старейшая традиция. В числе

прообразов особенно важно указать ту «партию», — я ставлю это слово в кавычки — которая действовала в старой Москве под именем «заволжских старцев». Старчество, в силу особых условий, сошло с политической сцены, превратилось в жизнеучение без особой интенции к политическому действию.*) Сейчас наступил момент снова вызвать это политическое действие в жизнь. Мы призваны начать строить Россию-Евразию по заветам старцев, наполняя эти заветы новым историческим содержанием.

Таким образом название «партия» для нас узко, мы, по целям своим, идейно больше любой политической партии, включая социалистов и коммунистов. Мы — организованное евразийство, род особого восточного ордена. Название «партия» не охватывает нашего внутреннего существа, не совпадает с ним. Поэтому только с некоторыми оговорками, чисто условно, мы можем называть себя «партией». Нужно понять, что при наших целях, во многих ситуациях нам более подобает выступать, как орден, как духовное объединение, а не как партия. Мы в этом смысле должны дать себе отчет во всех преимуществах католической или масонской тактики и ими воспользоваться. Может создаться такая констелляция, когда евразийцам гораздо удобнее будет действовать через другие партии, даже создать себе известный фактум, принявший то или иное легальное оформление, в то время как евразийское ядро будет хранить не партийный характер. Это не противоречит возможности, при других условиях, образовать самостоятельную евразийскую партию, выступающую наряду с другими политическими партиями. В конце концов все это — проблемы тактические, которые не подлежат решению без соображения с конкретными жизненными условиями. Центр же вопроса резюмируется в следующем положении: существо наше не совпадает с природой политической партии (в обычном смысле этого слова), и партийность есть только одна из возможных форм нашей деятельности.

2.

Для определения тех условий, при которых организованное евразийство должно принять внешние оформления политической партии, нужно различать два вопроса: 1) вопрос о нашем положении и нашей роли в государстве, которое не построено по нашему образцу и которое мы, след., не считаем вполне отвечающим нашим идеалам, и 2) вопрос о нашем месте в государстве, которое мы сами построили по нашему собственному плану. Вопросы эти не вполне различаются, и из неразличения их вытекает неясность нашего отношения к партийному началу и возможность разногласий в нашей среде. Вопросы эти мы и разберем по очереди.

Что касается до первого вопроса, то практически он сводится для нас к выяснению нашего положения в условиях жизни современной России-Евразии. Нашей отправной точкой мы считаем советский государственный строй. В его современных условиях мы не принадлежим к числу легально действующих политических группировок. Мы можем стать таковой только при изменении современной политической конъюнктуры. Попытаемся в дальнейшем определить каково может быть отношение евразийства к вопросу о партии в случае более или менее решительного изменения существующего политического режима в Советской России.

Можно предполагать следующие возможности такого изменения:

а) Путем постепенной эволюции, как этого желают и как это предполагают демократы, однопартийный коммунистический режим заменится многопартийным в западном или полузападном смысле этого слова. Отколется оппозиция, будет легализован этот раскол, будут легализованы затем меньшевики и эсеры, эвентуально эрдеки. Советское государство превратится в нечто вроде того, что временами можно было наблюдать в Европе «второго сорта», — в Болгарии или Сербии. Спрашивается, каково должно быть наше отношение к принципу партийности в случае некоторой более или менее длительной стабилизации такого режима? Ясно, что в возможной эволюции, проделанной советским государством в означенном

*) Если не считать попытки Достоевского обнаружить политическую программу старчества в беседах Зосимы.

направлении мы, евразийцы, не принимали никакого сознательного участия, оно — не дело наших рук, новый режим возник помимо наших намерений, как организованной группы. Для нас, стало быть, он является чистым фактом, которого мы в аксиологическом порядке не одобряем, но к которому принуждены как то приспособляться. Думается, что в умении приспособляться к нему мы должны многому научиться и у католиков и у социалистов. И те и другие не являются поклонниками буржуазной демократии, которую однако, весьма умело используют в своих целях. Иными словами, с водворением названного режима для нас настанет момент, когда мы принуждены будем вступить в политическую борьбу, как определенная политическая группировка среди других политических группировок. Тогда серьезно станет вопрос о превращении евразийства в политическую партию. Нам не следует забывать, что разбираемая нами возможность не принадлежит к числу тех, к которым мы стремимся. Возможность эта основана на предположении постепенного угашения того запаса энергии, который создала революция. Вступление советского государства на означенный путь означало бы, что творчество новых политических форм кончилось, революция угасла, наступает царство задворков Европы, чего, в сущности, и желают все наши, с позволения сказать, «прогрессисты». Однако нам не следует и пугаться наступления названной возможности. Мы планируем наше бытие не на ближайшие десять лет и мы знаем, что такая революция, как русская, в конечном счете не может не привести к установлению некоторых новых форм жизни, если бы даже эта революция видимо и окончилась временной реакцией. Возможный период развития России, как Европы «второго сорта», будет более или менее кратковременным. В течение его мы принуждены будем выступить, как политическая партия наряду с другими политическими партиями. Причем мы выступаем, как партия, которая стремится к построению нового государства и к уничтожению партийного режима. В полувосточной демократии мы сидим не на правой стороне, а на крайней левой. И мы уверены, что победим. Если это будет демократия в стиле Керенского, то мы будем первой силой, которая ее свергнет; если эта демократия будет склоняться к новым формам в стиле фашизма, режима Пилсудского и т. п., то мы и будем тем главным хребтом, около которого будут складываться и кристаллизоваться новые демократические силы и который, ростом своим, будет преодолевать ограниченность, присущую названным европейским явлениям.

б) Можно предположить, что изменение современного советского режима произойдет в результате насильственного переворота, который будет сделан одной из современных реальных сил, играющих роль в Советском государстве. Причем сила эта будет посторонней евразийству. Евразийцы не будут принимать ни идейного, ни фактического участия в перевороте. В России воцарится, скажем, единоличный или коллективный Бонапарт, который в значительной степени примет наследие революции, сохранит ее фразеологию, впитает в себя многое из ее правовых установлений и организационных сил, отвергнув, однако, коммунизм, прежде всего, как социально-экономическую систему, а затем, может быть, и как идеологию. Подобные перевороты известны истории. Делаются они обычно людьми, вышедшими из революции, энергичными и волевыми практиками, лишенными в то же время каких либо принципов. Не было собственной доктрины и идеологии у Наполеона, нет ее и у Муссолини, что сознают сами фашисты. При таком обороте дела наше положение будет довольно благоприятным, но только при условии, если мы не будем афишировать себя, как особую, единую политическую партию. Захватчики власти, стабилизировав положение во имя каких-либо самых бедных титулов, не потерпят вторжения в сферу их деятельности посторонней партии; но они будут глубоко нуждаться в идеях, в политических принципах, в истинных титулах, обосновывающих их власть. Евразийцы должны при этом приложить все усилия, чтобы сделаться постепенно мозгами этого нового режима, чтобы наполнить новым содержанием унаследованные им от революции обветшалые формы, осмыслить их и оживить. Евразийцы должны всеми силами просачиться в этот новый режим и, руками новой власти, построить свое новое государство.

в) Наконец, можно предположить, что переворот будет совершен или группой, близкой к евразийству, или самими евразийцами. Это ставит нас перед необходимостью немедленного построения по нашему собственному плану. В каком отношении мы будем стоять тогда к

партийному началу? Будем-ли «партией» в процессе построения своего государства и сохраним-ли форму партии, когда государство это будет построено?

3.

Противники наши упрекают нас в том, что мы в своем государстве намерены упразднить свободный режим партий и, подобно коммунистам, объявить власть одной партии, евразийской, которая станет на место коммунистической. Упрек этот делается не только «левыми», но, что особенно курьезно, даже и «правыми». Между тем то, что нам приписывается, составляет подлинный замысел всех русских эмигрантских «партий». Допустим, что у власти станет П. Н. Милюков. Можно-ли предположить, что он легализует в своей республике партию Маркова? Сомневаемся, чтобы он легализовал и «николаевцев». И, разумеется, «николаевцы» сделают то же с р.-д. Подозреваем даже, что А. Ф. Керенский не будет очень щедр по части «партийной свободы», — памятуя уроки прошлого. Иными словами, каждый идилично мечтает о восстановлении тех порядков, которые были при царизме, когда одни партии были легализованы, другие — запрещены; различие только в том, какой группе партий собираются предоставить «свободу» и какую хотят загнать в подполье. Мы, евразийцы, полагаем, что нет такого политического течения, которое столь мало было бы реставрационным, как наше. Мы отлично знаем, что политика запрещения есть наименее целесообразная и наименее мудрая из всех политик. Только наихудший политический режим стремится обстричь под одну скобку идейные разногласия людей. Свобода в обнаружении мнений во всех областях жизни, стало быть, и в политике, является непременным условием бытия всякого нормального государства. То же самое нужно сказать и о самоорганизации народа, о так называемой «свободе союзов». Наша политика не преследует цели отрицательного «запрещения» и «пресечения»; она исходит из того, глубоко продуманного нами, нового понятия о государстве, которое составляет альфу и омегу нашей государственной системы и решительно отличает ее, как от системы демократической, так и системы коммунистической.

а) Евразийское государство является политическим образованием, как мы говорим, демократической природы. Мы хотим этим сказать, что государство наше построено на глубоких народных основах и соответствует «народной воле». Если бы понятие народного суверенитета не было столь затасканным и не утратило бы всякий внутренний смысл и всякое внешнее обаяние, то мы готовы были бы сказать, что мы строим наше государство на суверенитете народа, — но не на том дезорганизованном, анархическом суверенитете, на котором строятся западные демократии (где «народный суверенитет» = механическому агрегату мнений отдельных достигших политической зрелости граждан), а на суверенитете организованном и органическом. Мы считаем «народом» или «нацией» не какой-то случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры. Мы отдаем себе отчет в том, что «нация» в таком понимании неспособна к какому-либо политическому действию, что она недееспособна, что она должна действовать через каких-то заместителей, что воля ее должна получить выражение через определенного реального носителя. Однако, мы не можем допустить тот порядок, при котором выразительницей такой воли считается кучеобразная масса всех живущих ныне людей, достигших, скажем 18 или 20 лет. Честные демократы знают, что такая «куча», во-первых, также недееспособна, а во вторых, нет никакой гарантии, что ее устами говорит истинная нация.

Современной западной демократии свойственен особый, не имеющий никакого оправдания эгоцентризм голосующего корпуса взрослых граждан, который, будучи неорганизованным, сам по себе не способен провести ни одного голосования. Современная демократия есть олигархия живущего ныне, взрослого поколения над нацией, как целым, — олигархия, которая в то же время сама не может управлять и ищет себе заместителя, реального политического деятеля. Таким деятелем и является политическая партия, организующая голо-

сующий корпус и подменяющая своей волей мнимую волю голосующего корпуса. Мы, евразийцы, не признаем такой порядок нормальным. Мы заявляем: олигархии дезорганизованной массы пришел конец; связанный с нею явочный порядок в вопросах народного представительства должен быть решительно отменен. Государство не может считать выразителями народной воли всех взрослых вообще, взрослых «как таковых», отвлеченно взрослого гражданина, без отношения к тому, кто он, где живет и что делает. Государство должно пробудиться от немой пассивности; оно должно определить тот объективный и реальный принцип, на основе которого может быть построено истинное национальное «представительство», т. е. найдены реальные носители организационных государственных функций, действительные выразители национальной воли. Мы хотим, иными словами, заменить искусственно-анархический порядок представительства отдельных лиц и партий органическим порядком представительства потребностей, знаний и идей. Поэтому нам не нужна политическая партия, как она нужна демократии западного стиля.

Вопрос о замене механической системы народного «представительства» органическим давно уже возник перед западной демократией. Сейчас он является очередным вопросом внутренней политики западных государств, хотя свойственный демократии консерватизм, своеобразная демократическая косность и ретроградность, всячески препятствует реальному продвижению этого вопроса в жизнь. Мы находимся в более благоприятном положении, так как менее скованы предубеждениями, более свободны и более подвижны. К тому же идея, лежащая в основании советской системы (а не советская практика), разрешила довольно успешно проблему органического «представительства». В советской системе отправным пунктом является не отдельный человек и не искусственное соединение людей, но органический территориальный член целого, — совет, округ, область, город и т. п., — или же профессиональные объединения людей в пределах этих территориальных единиц, наконец, национальные части государства. Начала эти и подлежат дальнейшему укреплению, развитию и усовершенствованию в евразийском государстве.

б) Европейская демократия гордится тем, что она основывает свою власть на «свободном» общественном мнении, выражающем волю большинства «нации». Общественное мнение, по внешней видимости, играет немалую роль в жизни европейских демократий, оно свергает правительства, изменяет состав парламентов, определяет основные направления политики. Но что же называет демократический режим таким «общественным мнением»? «Общественным мнением» на Западе называется не стабилизированное, прочное, глубоко укоренившееся в народе убеждение, а, скорее, известные, очень изменчивые народные настроения, возникшие к тому же не самостоятельно, а искусственно привитые политическими партиями. Политические партии в демократическом государстве инспирируют такое «общественное мнение» по любому вопросу политики. Партии вызывают и пробуждают политические настроения, разжигают страсти и их культивируют. Такое «общественное мнение», по большей части, создано искусственно, вздуто и не отвечает ни интересам отдельных народных слоев, ни интересам государственного целого. Существуют особые приемы такого возбуждения «общественного мнения» — это политическая агитация, вооруженная ныне всеми приемами новейшей рекламной техники. Оттого «общественное мнение» в демократической Европе меняется так же, как погода. Сегодня оно склоняется на сторону консерваторов, завтра — на сторону социалистов. Мы отлично понимаем, что «общественное мнение» не может быть чем-то совершенно неподвижным. Меняется общественная жизнь, должно меняться и «общественное мнение». Однако, истинная динамика народных убеждений не может выражаться в той нервной скачке политических настроений, которой характеризуется политическая жизнь современных демократий. Демократическая «динамика» общественного мнения есть вид общественной неврастности, являющееся безошибочным показателем растрепанности современного человека и всей его жизни. Можно сказать, что, если бы система дезорганизованного и не стабилизированного «общественного мнения» без всякого ограничения господствовала бы в государственной жизни, любое государство распалось бы и перестало существовать. Если западные демократии не подвергаются распаду, это значит, что в них существует некоторый корректив безбрежной динамики неорганизованного общественного мнения.

О коррективе этом не говорится в учебниках конституционного права, но он действительно существует, и его существованием объясняется, почему, например, несмотря на постоянную смену правительств, Великобритания вела одну и ту же внешнюю политику; или, почему, не смотря на скачку министерств во Франции, устои Французской республики оставались весьма консервативными, т. е. правила одна и та же бюрократия, существовало одно и то же административное устройство и т. д. Мы хотим сказать, что во всяком, даже самом демократическом государстве имеется некоторая политическая константа, хотя ее наличие и заслонена ныне пышными декорациями демократического режима и фразеологией парламентаризма. Наше евразийское государство исходит из требования, что константа эта должна быть опознана и ясно формулирована. Мы стремимся сознательно зафиксировать в политическом бытии нашего государства то, что западные демократии старательно прячут: путеводную идею государства, как целого, его основное призвание, его цель. В этом смысле можно назвать наше государство и д е о к р а т и е й или иначе государством стабилизированного общественного мнения. Мы считаем, что в понятии народа, как совокупности исторических поколений, и воплощена истинная народная воля, единственным органом которой отнюдь нельзя признать случайное голосование наличного большинства взрослых граждан. Оттого мы народному голосованию и не придаем последнего, решающего значения, хотя и считаем его органом, очень важным для определения динамики общественной жизни. Государственная константа является принципом, который требует конкретизации. Народное голосование и призвано дать стабилизированной народной воле конкретные приложения к частным случаям государственной жизни.

Мы считаем, что, опять-таки в идее, а не в практике, советская система дает возможность удачно сочетать наличие стабилизированного общественного мнения с его динамикой. Советская система складывается из диктатуры единой партии и из ряда «представительных» учреждений. Первая воплощает начало постоянное, вторые — начало подвижное. Правильное сочетание этих двух начал и составляет основную задачу евразийской политики.

в) Наши противники упрекают нас в том, что мы копируем режим коммунистической диктатуры и, если стремимся к его преобразованию, то только путем превращения правящей партии в новое дворянство, которое будет, подобно старому, стоять наверху государства и управлять им. В подобном упреке обнаруживается бедность и косность демократической мысли, которая привыкла к установившимся трафаретам и вне их вообще ничего не представляет. Наше новое понятие государства принимает во внимание опыты прошлого и настоящего, но не делает из них каких-либо безусловных норм. Для истории России особо характерна наличие правящего слоя, который ранее олицетворялся в дворянстве, ныне олицетворяется в коммунистической партии. Но ни учреждение дворянства, ни фактическое бытие коммунистической партии не решают проблемы организации правящей группы в государстве нормального типа. Дворянство было основано на наследственных привилегиях, дарованных тем, кто особо отличился в государственной службе. Дворянство не было, следовательно, организацией идеологической, потому дворянство и обречено было на духовное изживание, на идеологическую смерть. Избавиться от этой судьбы наше дворянство могло бы только в том случае, если бы оно само организовалось на основе какой-либо почвенной, национальной идеи. Дворянство же наше такой идеи не нашло, напротив, оно офранцузилось, омасонилось, явилось наиболее активным фактором нашей европеизации. Дворяне были первыми нашими проповедниками европейской революции, которая, раз свершившись, истребила своих отцов до последнего корня. Новый, революцией рожденный правящий слой имеет то преимущество, что является объединением идеологическим, однако ему свойственны и громадные недостатки. По существу своему его идеология является ложной и кроме того нам чужеродной, заимствованной с Запада. И, что самое главное, по положению своему в государстве новый правящий слой имеет характер западной партии, т. е. частного объединения, преследующего некоторые политические цели. В смысле юридического положения коммунистическая партия никак себя не закрепила: в советском государстве она существует фактически, официально в советской конституции о ней ничего не говорится. Поэтому вся постройка советского государства как бы двоится между официальными учреждениями

советов и неофициальными учреждениями коммунистической партии. Получается два правительства, — явное и тайное: с'езды Советов и их органы, с'езды партии и ее органы. Такое положение нельзя признать нормальным. Оно необходимо толкает или к превращению советского режима в многопартийный, или к конституционной легализации «партии», как официального органа республики. Теперешние вожди республики должны понять, что перед нами — только эти два пути, причем вступление на первый означает превращение России в подобие Европы второго сорта, вступление же на второй является попыткой построения государства нового типа.

Новый же тип государства требует, чтобы тот общественный слой, который является носителем стабилизированного общественного мнения из политической партии в европейском смысле этого слова превратился бы в органическую часть государства. Мы видели уже, что такими частями являются территориальные элементы республики, ее профессиональные и национальные клетки. Правящая партия должна быть поставлена наряду с ними, как носительница органической государственной идеи. Тогда вышеназванная проблема сочетания государственной константы с государственной динамикой решается путем организации правильного соотношения в советах делегатов от территориальных и национальных частей и от профессиональных организаций с делегатами от правящего слоя.*)

2) Таким образом в нашем государстве мы партии заменяем реальными общественными слоями, — и это создает условия, при которых нам партии и технически становятся ненужными. Наши противники говорят, что мы хотим запретить другие партии и властвовать при помощи диктатуры. Но, если брать нормальное государство в нашем понимании, то дело идет не о механическом запрещении партий, а о сложной политике, направленной на уничтожение партийного режима. Мы не будем запрещать партии, но безусловно будем бороться при выборах с тем навязыванием партийных программ, с той безобразной партийной рекламой, с теми бессовестными приемами посулов и обещаний, к которым прибегают современные политические партии. Да и при выборах в советы все эти приемы не будут нужны, а кроме того ни одна из современных русских, ничтожных партий ими не сумеет воспользоваться. Приемы эти пригодны, когда избиратель представляет аморфную массу, идущую к урнам и голосующую те списки незнакомых ей лиц, которых выдвинули партийные комитеты. А когда выборы происходят в каждом селе, то выбирают по деловому признаку, по местной деловой программе, а не по посулам.***) Тем более деловой принцип господствует в последующих стадиях, когда происходит отбор делегатами наиболее способных и опытных лиц. Современные представители русских политических партий потому и против советской системы, что они отлично понимают ее несоместимость с партийным режимом. «При советской системе партиям делать нечего, а потому долой советскую систему»... Однако, выборы при советской системе, если они делают не нужными партии, то они отнюдь не упраздняют свободу обнаружения мнений и борьбу различных течений среди избирателей. При выборах в советы мы вполне допускаем возможность деловых расхождений и деловых группировок. Но мы не хотим, чтобы избирателю его мнимые интересы вколачивала партия, — мы стремимся к тому, чтобы избиратель сам уяснил эти интересы и отобрал людей, которые окажутся истинно способными выражать волю нации, как некоторого органического целого.

Н. Н. Алексеев

*) Понятие «правящего слоя в смысле Н. Н. Алексеева тождественно с понятием партии, знаменующей собою «часть света» (partem mundi), в ее целом, иначе — «активного нумена нации (или группы наций), их стяженного воплощения». Подобную Партию (правящий слой) нужно строго отличать от партий многопартийной системы.

**) Резюмируя вышеизложенное можно сказать, что евразийцы стремятся к осуществлению такого строя, в котором определилась бы функциональная ненужность партий, в смысле многопартийной системы.